

Экономический рост в Беларуси: идентификация барьеров и выбор приоритетов

Дмитрий КРУК

Центр экономических исследований «БЕРОК», старший научный сотрудник, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: kruk@beroc.by

УДК 338.1 338.2

Ключевые слова:
экономический рост; производительность;
каналы экономического роста; детерминанты экономического роста;
политика содействия росту.

временном промежутке позволяет стабилизировать экономическую среду. В этом случае у экономики страны меньше шансов столкнуться с негативными структурными эффектами [2; 3], которые могут стать барьером на пути будущего роста. Кроме того, в этом случае меньше и вероятность нерационального задействования инструментов монетарной и фискальной политики для «маскировки» слабого экономического роста. Поэтому обеспечение высокого и устойчивого темпа экономического роста часто рассматривают как конечную цель функционирования экономики.

Роль экономического роста не исчерпывается экономической сферой жизни общества. Благополучие и экономический рост тесно связаны с развитием человеческого потенциала. Эта связь является двунаправленной: повышение темпов экономического роста развивает человеческий потенциал, а он, в свою очередь, может способствовать усилению и упрочению экономического роста [4]. Поэтому если развитие человеческого потенциала рассматривать как конечную цель функционирования индивидов и общества, то высокий и устойчивый экономический рост является одной из ключевых задач по ее достижению.

Несмотря на чрезвычайную важность, обеспечение высокого и устойчивого роста, особенно на длительных временных от-

резках, остается нетривиальной задачей. За последние 200 лет с ней справились лишь небольшое количество стран [1, с. 11–15]. Эти страны – составляющие сегодня группу с высоким уровнем дохода – смогли сделать беспрецедентный по историческим меркам рывок в уровне благосостояния, которое за 200 лет выросло в 11–30 раз [5]. Другие страны – составляющие сегодня группы с низким и средним доходом – росли значительно медленнее. Это породило существенные межстрановые различия в уровне доходов (соответствующий феномен часто именуется как Великое расхождение [6, с. 35]), а также наложило свой отпечаток на возможности и закономерности экономического роста для отдельных стран. В последние 30 лет многие страны с низким и средним уровнем дохода смогли обеспечить ускоренный экономический рост и несколько ослабить дивергенцию в благосостоянии. Вместе с тем эти страны еще очень далеки от передового рубежа. Если исходить из гипотезы сходимости [1, с. 331], то перспективы роста, сохраняющиеся у таких стран, еще очень велики.

Беларусь как страна со средним уровнем дохода – благополучие в стране составляет около 32% от передового рубежа² – вполне может и должна рассчитывать на опережающий (относительно мирового) темп экономического роста. Однако в последние 8–10 лет этот расчет

Экономический рост (его величина и устойчивость) является критически важным для любой страны. От темпа экономического роста зависит благосостояние страны¹ как в абсолютном, так и в относительном выражении (то есть в международных сопоставлениях) [1, с. 3–15]. Если темп экономического роста не только приемлемый по величине, но одновременно устойчивый и прочный, то он в некотором смысле становится самоподдерживающимся. Сочетание динамичности и устойчивости на длительном

¹ Под уровнем благосостояния подразумевается показатель дохода (ВВП) на душу населения.

² Собственные расчеты автора на основе данных базы Всемирного банка (World Development Indicators). Показатель рассчитан как отношение ВВП на душу населения по ППС (в международных долларах 2011 г.) в Беларуси к аналогичному показателю для США.

не оправдывается. Такая ситуация опасна для страны, поскольку она «репрессирует» не только текущий уровень благосостояния, но и будущий. Столь слабые результаты на фоне имеющегося потенциала указывают на наличие существенных барьеров для экономического роста в стране. Целью данной статьи является идентификация таких барьеров, а также выбор приоритетов для обеспечения высокого и устойчивого экономического роста в стране.

Последствия и угрозы слабого роста в Беларуси

Ключевой проблемой белорусской экономики на протяжении уже около 10 лет является слабый, особенно по меркам стран со средним уровнем дохода, рост выпуска. Первые признаки ухудшения потенциала роста стали наблюдаться еще в 2007 г., когда присущий первой декаде 2000-х гг. устойчивый темп роста около 7–8% в год стал быстро ослабевать [7]. К 2015 г. упрочение этой тенденции привело к тому, что потенциал роста ослаб до 1,5–2,5% в год [8]. Попытки «замаскировать» эту концептуальную проблему посредством предоставления краткосрочных экономических стимулов привели к нескольким валютным кризисам (в 2011 г. и 2015 г.) [9], а также ввергли страну в рецессию в 2015–2016 гг. [8]. В результате фактический рост продолжал снижаться, а за последние 5 лет он был даже ниже потенциала: за период 2015–2019 гг. ВВП в Беларуси вырос лишь на 0,7%. На основании этого можно констатировать, что белорусская экономика находится в состоянии стагнации.

Стагнация в последние годы привела к тому, что Беларусь из лидера роста в регионе Центральной Европы и Балтии (далее – ЦЕБ)³ стала одним из аутсайдеров, а уровень благосостояния по сравнению со странами ЦЕБ по-

сле 20 лет роста (в 1995–2014 гг.) стал снижаться (с 2015 г.). Например, на пике 2012–2014 гг. реальное благосостояние в Беларуси составляло около 77% от среднего уровня по 11 странам ЦЕБ, тогда как к 2019 г. оно снизилось до уровня около 64%.

Последствия слабого роста не исчерпываются стагнацией благосостояния и ухудшением позиций в международных сопоставлениях. Дефицит роста сегодня может также формировать барьеры для будущего роста, негативно влияя на накопление человеческого капитала и актуализируя социальные вызовы. Например, на фоне растущей разбежки в доходах в последние годы ощутимо усилился миграционный отток в соседние страны, что для Беларуси чревато нехваткой человеческого капитала для будущего роста. Кроме того, отток квалифицированных специалистов в отдельных социально значимых отраслях, например здравоохранении, чреват и социальными вызовами.

Слабый рост может генерировать негативные структурные эффекты, а также «подорвать сверху» макроэкономическую стабильность. В конечном итоге они могут сформировать своеобразный порочный круг. Например, работы [2; 3] показывают, что ослабление роста может приводить к устойчивым изменениям в поведении на рынке труда со стороны как фирм, так и домашних хозяйств. Это, в свою очередь, порождает снижение равновесного уровня занятости. В результате рынок труда, а через него и вся экономика могут быть подвержены гистерезису [3], то есть возможности будущего роста будут скованны.

Также следствием слабого роста является снижение естественного уровня процентной ставки в экономике. Особенно чувствительным оно может быть, если усиливает уже существующий тренд, предопределенный негативным темпом прироста рабочей силы,

вследствие либо демографических причин, либо структурных эффектов на рынке труда. Снижение естественной процентной ставки может изменить мотивацию как фирм, осуществляющих инвестиции, так и домашних хозяйств, осуществляющих сбережения [10]. В результате экономика с такими структурными ограничениями может попадать в ловушку стагнации [11]. Попытки выйти из Вечной стагнации [10] чреваты нарушением макроэкономической стабильности. Во-первых, снижающийся уровень естественной процентной ставки дезориентирует центральный банк, обуславливая избыточную жесткость или мягкость монетарной политики. Во-вторых, в условиях слабого потенциального роста у экономических властей велик соблазн пойти по иллюзорно легкому пути стимулирования спроса.

Актуальность всего перечня указанных эффектов слабого роста пока не очевидна для Беларуси, но их симптомы постепенно проявляются и нарастают [12]. Наилучшим выходом из такой ситуации является не противодействие симптомам, а устранение порождающей их причины – слабого экономического роста. Другими словами, Беларуси крайне необходимо преодолеть дефицит роста, обеспечив его высокий и устойчивый темп. Исходя из текущего статус-кво экономической среды, а также роли и места Беларуси в международных сопоставлениях, в качестве целевого для страны в ближайшие десять лет уместно и целесообразно рассматривать темп роста в диапазоне 5–7% в год [12].

Причины ослабления роста в Беларуси

Большинство современных моделей экономического роста постулируют, что основным его каналом является общефакторная производительность (далее – ОФП)⁴ [1, с. 861–862]. Причем

³ В рамках базы данных Всемирного банка (World Development Indicators) данная группа состоит из 11 стран: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Хорватия, Словакия, Словения, Польша, Румыния, Чехия, Эстония.

⁴ Теория экономического роста оперирует терминами «канал (фактор)» и «детерминанта» экономического роста [13; 14]. Термин «канал (фактор) экономического роста» отражает вклад в рост накопления факторов производства (труда, человеческого капитала, физического капитала) и общефакторной производительности на основе процедуры разложения роста по факторам (бухгалтерии роста). Термин «детерминанта роста» призван отразить причины роста. При этом детерминанты могут генерировать рост через различные каналы. Иногда могут использовать несколько отличающиеся термины. Например, в [1] аналогичными по смыслу терминами являются «сопутствующие причины» (proximate causes) и «фундаментальные причины» (fundamental causes).

ОФП является единственным каналом, который может обеспечить устойчивость роста. Накопление факторов производства, как правило, сопутствует росту производительности, а их накопление без роста производительности может обеспечить лишь транзитивный (временный) рост. Такая механика роста не подразумевает, что накопление факторов производства не важно для экономики. Скорее, она подразумевает, что для устойчивого роста накопление капитала должно быть обусловлено ростом ОФП. Многочисленные работы эмпирически подтверждают такие теоретические выводы [6, с. 46–58].

На практике многие страны в своей политике содействия росту далеко не всегда действовали по предписаниям современной теории. Во второй половине XX в. такая политика во многих развивающихся странах целенаправленно опиралась на идею накопления капитала [15, с. 25–69]. Интенсивность и масштаб его накопления в ряде случаев были столь высоки, что в экономической литературе этот путь стал именоваться инвестиционным фундаментализмом [15, с. 47]. Его теоретическим обоснованием стала модель Харрода – Домара⁵, основывающаяся на посылке о постоянной предельной производительности капитала. Вследствие ложности этой посылки в отношении среды долгосрочного роста в подавляющем большинстве случаев целенаправленная ставка на капитал себя не оправдала [15, с. 37–45].

Ряд новаторских выводов теоретических и эмпирических работ 90-х гг. XX в. иногда некорректно интерпретируются в качестве новых опор для идеи инвестиционного фундаментализма. Например, в [16] демонстрируется, что в период 1960–1990 гг. большинство стран, причисляемых к «азиатским тиграм», росли преимущественно на основе накопления капитала. В качестве аргумента в поддержку инвестиционного фундаментализма иногда используется и концепция технического прогресса, воплощенного в капи-

тале (далее – ТПВК). Она предполагает, что инвестиции в машины и оборудование напрямую генерируют рост ОФП [17; 18; 19]. Концепция ТПВК имеет определенные эмпирические подтверждения [20; 21; 22].

Однако вопреки значимости этих выводов для экономической теории они принципиально ничего не меняют в отношении политики содействия росту. Результаты [16] отнюдь не отвергают важность ОФП. В самой работе [16] отмечалось, что быстрый рост капитала среди «азиатских тигров» сочетался с «ни чрезмерно низким, но и не чрезвычайно высоким ростом производительности». Поэтому если расчеты в [16] полностью корректны, то они иллюстрируют, что рассматриваемый период для «азиатских тигров» имел черты предсказываемого теорией транзитивного роста с быстрым накоплением капитала. Однако впоследствии эти расчеты, а потому и их интерпретация подверглись пересмотру, что еще больше сблизило их с теорией. В [23] показано, что расчеты [16] чувствительны к спецификации процедуры разложения роста по факторам. Учет в этой процедуре причинно-следственных связей между капиталом и ОФП позволил [23] утверждать, что ключевым каналом роста «азиатских тигров» все же являлась ОФП.

Схожим образом обстоит ситуация и с концепцией ТПВК. Во-первых, она теоретически непротиворечива и неоднозначна [22]. Во-вторых, даже если ее принять, она никоим образом не отменяет важности и приоритетности стандартных (нейтральных) механизмов роста ОФП. В противном случае накопление капитала в целях роста ОФП грозит обернуться негативным воздействием на выпуск вследствие несоответствия других факторов производства и детерминант производительности внедряемому капиталу [24]. Например, для внедряемых на основе капитала инноваций могут быть не подготовлены бизнес-процессы, человеческий капитал или же затраты на проект при статус-кво могут быть неоправданно

высокими [24]. В-третьих, стремление обеспечить воплощенный в капитале технический прогресс чревато структурным негативным воздействием на занятость [25].

Несмотря на накопленный отрицательный опыт и все более явные противоречия с теорией, ориентация на накопление капитала в ряде стран сохраняется до сегодняшнего дня. Одной из причин этого является простота воплощения стратегии инвестиционного фундаментализма. Вместо поиска ответа на трудные вопросы о механизмах роста ОФП можно пойти легким путем и сконцентрировать усилия экономических властей на обеспечении роста инвестиционной активности. Более того, в этом случае достаточно логично могут выглядеть аргументы в пользу активной распределительной роли государства, в том числе на финансовых рынках. В этом случае концепция инвестиционного фундаментализма может становиться ценностью сама по себе.

Основным каналом роста в Беларуси долгие годы является накопление капитала [7; 26]. На протяжении примерно 10 лет до 2008 г. такая стратегия роста давала результаты. На начальных этапах запас капитала и его качество были относительно низки, при том что продукция имеющихся производств пользовалась расширяющимся спросом. Поэтому предельная производительность капитала была существенно выше равновесного уровня для Беларуси [8] и не снижалась, несмотря на рост запаса капитала. Более того, косвенные индикаторы⁶ дают основания предположить, что в этот период накопление капитала сочеталось с умеренным ростом ОФП. В результате потенциальный рост в период 2003–2008 гг. вышел на свой максимум. Этот период можно считать наглядной иллюстрацией транзитивного роста на основе капитала, предсказываемого теорией.

Успех начала 2000-х гг. во многом предопределил сохранение ориентации на ускоренное накопление капитала в последующие

⁵ Авторами эта модель задумывалась для анализа краткосрочных колебаний инвестиционной активности и не подразумевала возможности анализа долгосрочного экономического роста [15, с. 29].

⁶ Для периода до 2006 г. отсутствуют все необходимые данные для процедуры разложения роста по факторам в соответствии с [26].

годы. Однако предпосылок для роста ОФП после 2008 г. практически не было [26]. Бурный рост капитала при стагнации ОФП обусловил ослабление потенциального роста с 2009 г., а также формирование тренда на снижение предельной производительности капитала [8]. С этого момента в экономике все в большей мере стали проявляться «хронические болезни» инвестиционного фундаментализма. Ответом на проседание роста вследствие недостатка ОФП стало усиление инвестиционной активности в 2009–2014 гг. Попытка компенсировать капиталом недостаток производительности привела к тому, что капитал стал «репрессировать» производительность. За период 2009–2016 гг. ОФП в Беларуси сократилась, внося отрицательный вклад в динамику выпуска [7]. Механизмами, которые обусловили это снижение, стали нарастающая неэффективность в распределении факторов производства в экономике, техническая неэффективность и избыточный масштаб отдельных производств, а также искажения в наборе производимых товаров [8].

Ощутимое проседание ОФП⁷ (вместо «нормальности» в виде ее роста) обусловило и быстрое снижение темпа роста выпуска в Беларуси. Это привело к дальнейшему снижению предельной производительности капитала: к 2014 г. ее фактическое значение достигло своего равновесного для белорусской экономики уровня, а впоследствии опустилось ниже него [8]. В результате поддержание прежнего уровня инвестиционной активности зачастую становилось неоправданным даже исходя из краткосрочных финансовых соображений. Поэтому с 2015 г. доля инвестиций в выпуске существенно снизилась, что обусловило снижение темпов накопления капитала и дополнительное негативное воздействие на потенциальный выпуск. На сегодняшний день, по разным методологиям, он находится в диапазоне 0–3,5% [27]⁸.

Идентификация барьеров роста и выбор новых приоритетов

Концептуальной причиной замедления роста в Беларуси стала его чрезмерная ориентация на накопление капитала. Соответственно, обобщенным рецептом для повышения роста и его устойчивости является необходимость переориентации на ОФП. Такая рекомендация однозначно вытекает из теории и накопленного в мире опыта реализации политики содействия росту. В случае Беларуси важно, чтобы такая переориентация имела безусловный характер. Страна несет значительные потери в эффективности вследствие сложившейся практики накопления капитала с активной распределительной функцией государства на финансовом рынке. Восстановление здоровой причинно-следственной связи между ОФП и капиталом (рост ОФП порождает рост капитала) позволит избежать накопления новых диспропорций в распределении, обеспечит согласованность между этими каналами роста. Поэтому такой путь, ассоциируемый с отказом от активной распределительной функции государства на финансовом рынке (или, по крайней мере, ее значительным ослаблением), уже сам по себе может быстро и ощутимо усилить экономический рост в стране. Такой шаг эквивалентен устранению одного из наиболее значимых барьеров. Более того, его подкрепление нейтрализацией сложившихся диспропорций в распределении может обеспечить дополнительный однократный прирост ВВП не менее чем на 10% [26]. Но вполне вероятно, что фактические диспропорции в распределении имеют больший масштаб [6, с. 60–67], а потому транзитивные выигрыши в росте могут оказать еще более значимыми.

Предложенный принцип верховенства соображений производительности сохраняет свою актуальность, даже если в фокусе

повестки политики содействия росту в той или иной мере актуальна концепция ТПВК. Как показано выше, в ее рамках также чрезвычайно важно сохранять согласованность между каналами роста. Однако следует отметить, что перспективность этой концепции для Беларуси весьма сомнительна. Как показано в [29], даже если все предпосылки ТПВК будут реализованы, то влияние этого механизма на рост будет скромным (примерно в 4 раза слабее стандартных эффектов роста ОФП). Кроме того, стремление обеспечить рост на основе механизма ТПВК чревато накоплением макроэкономических дисбалансов.

Ориентация на ОФП для усиления и упрочения экономического роста может рассматриваться как универсальная рекомендация для любой страны. Однако непосредственные меры, которые необходимы и эффективны для обеспечения роста ОФП, могут отличаться между странами. Выбор соответствующих приоритетов на основе индивидуального подхода к стране особенно важен в случае стран с развивающимся рынком [30].

В литературе отсутствует универсальный алгоритм для выбора приоритетов политики содействия росту на уровне отдельной страны. Тем не менее для страны с развивающимся рынком в первую очередь обычно оценивается состояние отдельных детерминант ОФП. Для этого необходимо задействовать тот или иной набор соответствующих детерминант. Проводить такой анализ (для страны с развивающимся рынком) предпочтительно на основе международных сопоставлений, так как динамика отдельных индикаторов внутри самой рассматриваемой страны в этом случае мало информативна с точки зрения определения расстояния до передового рубежа. В зависимости от роли, места страны и величины ее дохода в международном сопоставлении определяется эталон для сравнения. Сравнение состо-

⁷ На снижение ОФП в период 2009–2016 гг. указывает также «внешний» показатель отношения рыночного обменного курса к курсу по ППС (Репн World Tables 9.1). Этот показатель демонстрирует степень воздействия на экономику эффекта Балассы – Самуэльсона, а потому его можно рассматривать также как близость к передовому рубежу глобальной экономики. За период 2009–2016 гг. данный показатель снизился, оставаясь одним из самых низких среди стран ЦЕБ. Еще одним «внешним» свидетельством снижения производительности в рамках этого периода является динамика качественных показателей экспорта и экспортной корзины (которые по определению связаны с производительностью), рассчитанных в работе [28].

⁸ С учетом структурных шоков на рубеже 2019–2020 гг. верхняя граница этого диапазона, вероятно, сдвинется вниз до отметки 2–2,5%.

яния детерминант ОФП в стране с выбранным эталоном позволяет выявить ее сильные и слабые стороны. Если в отношении детерминант, классифицируемых как слабые, отсутствуют какие-либо непреодолимые барьеры для догоняющего развития, то такие детерминанты логично классифицировать как приоритеты для политики содействия росту.

Для проведения подобной процедуры в отношении Беларуси были использованы два набора детерминант ОФП. Во-первых, это индикаторы ЕБРР, разрабатываемые банком с 2017 г. [31]. Данные индикаторы призваны отразить характеристики качества, эффективности и устойчивости функционирования экономики [31, с. 106]. Это позволяет ожидать, что они тесно связаны с ОФП. В данной системе индикаторов Беларусь представлена напрямую, что дает возможность непосредственных сравнений с эталоном, в качестве которого выступает группа стран ЦЕБ, однако без учета Чехии, для которой ЕБРР не рассчитывал рассматриваемые индикаторы.

В качестве второго набора детерминант ОФП используются индикаторы индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) [32]. Система данных индикаторов тесно связана с положениями

теории экономического роста, а их значения с динамикой ОФП [32, с. 3–4]. Использование этой группы детерминант затрудняет то, что Беларусь не представлена в данном индексе. Поэтому ее положение по данным индикаторам можно отследить, лишь получив предварительные индикативные оценки по ним для Беларуси. Подобные индикативные оценки на основе международных сопоставлений для индекса 2013–2014 гг. были получены в работе [33]. Используя подход [33], автором были получены индикативные оценки для индекса 2017–2018 гг., и на их основе были осуществлены международные сопоставления. В качестве эталона для сравнения в этом случае выступает группа стран ЦЕБ.

Результаты сопоставлений представлены в *таблице*.

Результаты проведенных сопоставлений свидетельствуют о том, что по большинству детерминант ОФП Беларусь отстает от стран ЦЕБ. Причем на основе индикаторов ЕБРР, где нет необходимости в дополнительных индикативных оценках, это отставание более существенно. Наибольшие упущения, а соответственно и возможности для роста, Беларусь демонстрирует по индикаторам устойчивости и стабильности, открытости и интегрированности, конкуренции, качества управле-

ния. Такие «пробелы» отчасти коррелируют с индикаторами ВЭФ. По ним наибольшее отставание характерно для качества макроэкономической среды, финансовой системы, технологической оснащенности и высшего образования.

Совмещая оценки по обоим подходам, можно заключить, что наилучшие перспективы роста ОФП связаны с повышением качества макроэкономической среды, финансового посредничества, высшего образования, а также повышением открытости и интегрированности национальной экономики в мировую. Важным резервом роста ОФП является также институциональный прогресс, в первую очередь в области конкурентной среды и качества управления.

* * *

С темпом экономического роста Беларуси за последние 20 лет произошли необычные метаморфозы. В начале 2000-х гг. форсированное накопление капитала обеспечило стране транзитивный период ускоренного роста (около 8% в год). Но позднее оно же, перерастая в инвестиционный фундаментализм, стало приводить к торможению роста, усиливая дефицит ОФП. Дефицит ОФП, в свою очередь, обусловил финансовую нецелесообразность части

Таблица

Сравнительный анализ детерминант ОФП в Беларуси и странах ЦЕБ

Детерминанты 1	Беларусь к ЦЕБ, %	Детерминанты 2	Беларусь к ЦЕБ, %
Конкуренция	77,1	Институты	95,9
Качество управления	76,1	Инфраструктура	93,7
Экологичность	97,4	Макроэкономическая среда	75,5
Инклюзивность	90,9	Здравоохранение и начальное образование	100,4
Устойчивость и стабильность	57,5	Высшее образование	91,5
Открытость и интегрированность	72,7	Эффективность товарных рынков	96,2
		Эффективность рынка труда	96,0
		Финансовый рынок	88,7
		Технологическая оснащенность	89,3
		Размер рынка	101,3

Примечания: 1. Собственные расчеты и данные Global Competitiveness Index, EBRD.

2. Детерминанты 1 – индикаторы ВЭФ. Детерминанты 2 – индикаторы ЕБРР. Все данные представлены в виде процентного отношения значения индикатора для Беларуси к среднему значению соответствующего индикатора по странам ЦЕБ.

инвестиций и вынудил существенно остудить инвестиционную активность. В результате потенциал роста значительно ослаб. На сегодняшний день по разным методологиям он находится в диапазоне 0–3,5%, тогда как для Беларуси адекватным целям развития является рост 5–7% в год. Для повышения темпа экономического роста и обеспече-

ния его устойчивости стране необходимо изменить стратегию роста. Для этого целесообразно отказаться от целенаправленного и форсированного накопления капитала, а ключевым каналом роста должна стать эффективность – общая производительность факторов производства. Приоритетными направлениями для обеспечения повышения эф-

фективности работы экономики видятся повышения качества макроэкономической среды, финансового посредничества, высшего образования, а также институциональный прогресс в области конкурентной среды и качества управления.

* * *

Материал поступил 26.03.2020.

Библиографический список:

1. Acemoglu, D. *Introduction to modern economic growth* / D. Acemoglu. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 990 p.
2. Phelps, E. *Money-wage dynamics and labor-market equilibrium* / E. Phelps // *J. of Political Economy*. – 1968. – № 4 (76). – P. 678–711.
3. Blanchard, O. *Hysteresis and the European Unemployment Problem* / O. Blanchard, L. Summers // *NBER Macroeconomics Annual*. – 1986. – № 1. – P. 15–78.
4. Ranis, G. *Human development and economic growth [Electronic resource]* / G. Ranis // Yale University. – Mode of access: http://www.econ.yale.edu/growth_pdf/cdp887.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
5. Bolt, J. *Rebasing 'Maddison': New income comparisons and the shape of long-run economic development [Electronic resource]* / J. Bolt, R. Inklaar, H. de Jong, J. van Zanden // University of Groningen. – Mode of access: https://www.rug.nl/ggdc/html_publications/memorandum/gd174.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
6. Джонс, Ч.И. *Характеристики экономического роста* / Ч.И. Джонс // *Справочное руководство по макроэкономике. Книга 1. Факты об экономическом росте и экономических колебаниях* / Д.Б. Тейлор, Х. Улг. – М., 2019. – С. 1–78.
7. Kruk, D.E. *Economic growth in Belarus: what lies beneath the stylized facts* / D.E. Kruk // *Economics. J. of Belarusian State University*. – 2018. – № 1. – P. 132–144.
8. Крук, Д.Э. *Причины и характеристики экономического спада в Беларуси: роль структурных факторов [Электронный ресурс]* / Д.Э. Крук // *Белорусский исследовательско-образовательный центр*. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_42.pdf. – Дата доступа: 26.03.2020.
9. Kruk, D. *Belarus' Anti-Crisis Management: Success Story of Delayed Recession?* / D. Kruk // *Europe-Asia Studies*. – 2013. – № 3 (65). – P. 473–488.
10. Summers, L. *U.S. Economic prospects: secular stagnation, hysteresis, and the zero lower bound* / L. Summers // *Business Economics*. – 2014. – № 2 (49). – P. 65–73.
11. Benigno, G. *Stagnation traps* / G. Benigno, L. Fornaro // *Review of Economic Studies*. – 2018. – № 3 (85). – P. 1425–1470.
12. Крук, Д.Э. *Ориентируясь на лидеров ЦВЕ: какой темп роста нужен Беларуси [Электронный ресурс]* / Д.Э. Крук // *Белорусский исследовательско-образовательный центр*. – Режим доступа: <http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP-59.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2020.
13. Barro, R. *Economic growth in a cross-section of countries* / R. Barro // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1991. – № 2 (106). – P. 407–443.
14. Hall, R. *Why do some countries produce so much more output per worker than others?* / R. Hall, C. Jones // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1999. – № 1 (114). – P. 83–116.
15. Easterly, W. *The elusive quest for growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics* / W. Easterly. – Cambridge: The MIT Press, 2009. – 342 p.
16. Young, A. *The tyranny of the numbers: confronting the statistical realities of the East Asian growth experience* / A. Young // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1995. – № 3 (110). – P. 641–680.
17. Greenwood, J. *Long-Run Implications of Investment-Specific Technological Change* / J. Greenwood, Z. Hercowitz, Z. Krusell // *American Economic Review*. – 1997. – № 3 (87). – P. 342–362.
18. Hornstein, A. *Can Technology Improvements Cause Productivity Slowdowns?* / A. Hornstein, P. Krusell // *NBER Macroeconomic Annual* / J. Rotemberg, B. Bernanke. – Cambridge, 1996. – P. 209–276.
19. De Long, J. *Equipment Investment and Economic Growth* / J. De Long, L. Summers // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1992. – № 2 (106). – P. 445–502.
20. Skare, M. *The Role of Equipment Investments in Economic Growth: Cointegration Analysis* / M. Skare, D. Sinkovic // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. – 2013. – № 1 (6). – P. 29–46.
21. Sakellaris, P. *Quantifying embodied technological change* / P. Sakellaris, D. Wilson // *Review of Economic Dynamics*. – 2004. – № 1 (7). – P. 1–26.
22. Hercowitz, Z. *The 'embodiment' controversy: A review essay* / Z. Hercowitz // *Journal of Monetary Economics*. – 1998. – № 41. – P. 217–224.
23. Klenow, P. *The neoclassical revival in growth economics: has it gone too far?* / P. Klenow, A. Rodriguez-Clare // *NBER Macroeconomic Annual* / B. Bernanke, J. Rotemberg. – Cambridge, 1997. – P. 73–114.
24. Boucekkine, R. *Technological Progress and Investment: A Non-Technical Survey [Electronic resource]* / R. Boucekkine, B. Oliveira Cruz // Aix Marseille School of Economics. – Mode of access: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01145485/document>. – Date of access: 26.03.2020.

25. Dosi, G. *Embodied and disembodied technological change: The sectoral patterns of job-creation and job destruction* / G. Dosi, M. Piva, M. Virgillito, M. Vivarelli // *Sant'Anna School of Advanced Studies*. – Mode of access: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/203104/1/1667929909.pdf>. – Date of access: 26.03.2020.
26. Kruk, D. *Belarusian economic growth decomposition* [Electronic resource] / D. Kruk, K. Bornukova // *Belarusian Economic Research and Outreach Center*. – Mode of access: http://eng.beroc.by/webroot/delivery/files/WP_24_eng_Bornukova&Kruk.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
27. Крук, Д. *Перспективы и вызовы для белорусской экономики в среднесрочном периоде (2018–2020 гг.)* [Электронный ресурс] / Д.Э. Крук // *Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр*. – Режим доступа: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_54.pdf. – Дата доступа: 26.03.2020.
28. Тоцицкая, И. *Ловушка низких темпов роста: факторы и риски для Беларуси* [Электронный ресурс] / И. Тоцицкая // *Исследовательский центр ИПМ*. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2018r02.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2020.
29. Kruk, D. *Stimulating Growth in Belarus: Selecting the Right Priorities* [Electronic resource] / D. Kruk // *FREE Network*. – Mode of access: https://freepolicybriefs.org/wp-content/uploads/2014/11/freepolicybriefs_nov17.pdf. – Date of access: 26.03.2020.
30. Kruk, D. *Productivity or the external environment: which is more important for growth in emerging markets?* / D. Kruk // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. – 2019. – № 2 (7). – P. 119–139.
31. *Transition Report 2017–2018. Sustaining growth* / *European Bank for Reconstruction and Development*. – London: *European Bank for Reconstruction and Development*, 2017. – 116 p.
32. *The global competitiveness report 2017–2018* / *World Economic Forum*. – Geneva: *World Economic Forum*, 2017. – 381 p.
33. Evans, A. *Ranking Belarus on competitiveness and economic freedom* / A. Evans, S. Naurodski // *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*. – 2019. – № 2 (8). – P. 226–240.

Economic growth in Belarus: identification of barriers and choice of priorities

Dzmitry KRUK, *BEROC Economic Research Center, Senior Research Associate, Republic of Belarus, Minsk, e-mail: kruk@beroc.by*.

Abstract. *The article is devoted to the analysis of economic growth in Belarus. It shows that the steady rate of economic growth in Belarus has noticeably weakened in recent years, which was due to accelerated capital accumulation. In order for the growth rate to reach the desired values and become stable, the country needs to ensure the growth of the overall productivity of factors of production by increasing the efficiency of the economy. The article identifies barriers that hinder productivity growth today, as well as measures to ensure its growth in the future.*

Keywords: *the economic growth; performance; channels of economic growth; determinants of economic growth; growth promotion policies.*